

въ сторону; съ патронами-же другихъ фабрикъ, кромѣ Eley, и, въ особенности прусскихъ, оно даетъ частыя осѣчки. Происходитъ это, я полагаю, не потому, чтобы худо были пригнаны курки или неправильно сдѣланы выемки въ стволахъ для шпиньковъ, а потому что и въ патронахъ фабрики Аренда углубленія для пистоновъ дѣлаются просторныя, куда пистонъ входитъ свободно и каждая шпилька непременно попадаетъ, при нажимѣ ея, въ пистонъ, а не опускается мимо его на дно углубленія, какъ это почти постоянно случается съ патронами прусскихъ фабрикъ, въ которыхъ углубленія дѣлаются такъ тѣсны, что пистонъ съ трудомъ входитъ въ углубленіе только до половины своей и никакими средствами нельзя вдавить его до нужнаго мѣста, такъ, чтобъ онъ не смялся; поэтому и шпилька опускается не въ пистонъ, а мимо его на дно углубленія,—что неминуемо влечетъ за собою осѣчку.

Это самое ружье, въ тѣхъ патронахъ, въ которыхъ нижняя сторона углубленія сдѣлана почему нибудь изъ болѣе тонкой металлической пластинки, при ударахъ курковъ по шпилькамъ пробивая эту пластинку, вгоняетъ ихъ только въ глубь, не сгибая и не расплющивая верхнихъ концовъ; а при болѣе твердомъ днѣ углубленія, гнетъ шпильки въ сторону.

Едва-ли устройство курковъ въ этихъ ружьяхъ можетъ имѣть вліяніе на осѣчки; если бородка курка какою нибудь частью коснется шпильки, — то, при хорошихъ боевыхъ пружинахъ замковъ и при правильно вложенномъ въ патронъ пистонѣ, осѣчки быть не можетъ, потому что шпинекъ такъ неподвижно сидитъ въ патронѣ и въ выемкѣ ствола, что при ударѣ по немъ только концемъ бородки курка—шпинекъ съ мѣста пистона не сдвинетъ, а непременно послѣдуетъ выстрѣлъ.

А. Г.

17 Апрѣля 1880 г.

г. Б.

Изъ Ташкента. Зима прошлаго 1879—1880 г. была крайне неблагоприятна для всего Туркестанскаго края своими холодами и продолжительностью. Въ Семирѣченской Области и въ сѣверныхъ степяхъ Сыръ-Дарьинской выпали большіе снѣга, стояли упорные морозы, часто гудѣли непроглядныя степныя вьюги, погубившія массу скота у кочевыхъ киргизъ. Стояла зима и въ Ташкентѣ, Ферганѣ и въ Заравшанскомъ Округѣ (подъ Самаркандомъ), не такъ разумѣется холодная, но продолжительная. Часто выпадали снѣга, лежавшіе по двѣ, по три недѣли; потомъ шли дожди по цѣлымъ недѣлямъ, а тамъ опять снѣга, съ холоднымъ сырымъ вѣтромъ, и такъ почти до начала апрѣля. Все это повело къ весьма значительному возвышенію цѣнъ на предметы первой необходимости, къ падежу скота отъ сырости, холода и безкормицы.—Вообще зима была тяжелая для юж-

ныхъ областей и разорительная, гибельная для сѣверныхъ; годъ изъ годовъ вонь....

Сильно досталось отъ небывалой здѣсь зимы людямъ и домашнимъ животнымъ, не меньше вытерпѣли и дикія, разумѣется преимущественно мѣстные, осѣдлыя; пролетные, сѣверные гости: гуси, утки, бекасы, гаршнепы, перепела и проч. выдержали зиму сравнительно недурно — не было сильныхъ морозовъ, а продолжительность повліяла только на ихъ болѣе поздній отлетъ. Но мѣстные: великолѣпный фазанъ-бѣлошейка (*Phasianus mongolicus*) и красная каменная куропатка (*Perdix petrosa*) потерпѣли такъ, что вѣроятно долго не поправятся. Особенно это замѣтно подъ г. Ташкентомъ и въ окрестныхъ Курамитскихъ горахъ.

Фазанъ-бѣлошейка водится подъ Ташкентомъ, въ пролегающей съ юга обширной Чирчикской долины, въ камышахъ, занимающихъ большія площади среди болотистыхъ рисовыхъ полей. Въ камышахъ онъ выводится и кроется отъ преслѣдованія; кормъ ищетъ на рисовыхъ поляхъ, когда съ нихъ спустятъ воду, уберутъ посѣвы и они совершенно высохнутъ (къ концу октября). Прошлую зимою почти всѣ камыши были вырѣзаны обитателями долины полу-осѣдлыми, полу-кочевыми киргизами (рода Курама), какъ для костровъ въ своихъ юртахъ, такъ главное для Ташкента, гдѣ сотня сноповъ съ 3 р. поднялась до 8 и болѣе. На оголенныхъ пространствахъ, при незначительномъ сравнительно запасѣ корма (разсоренныя зерна риса), фазаны въ огромномъ количествѣ погибли отъ сырого, продолжительнаго холода, голода, а частью отъ рукъ киргизъ, бьющихъ во время снѣга фазановъ просто палками. Благодаря этому фазаны сохранились только по глухимъ камышамъ по Карасу (большая ирригаціонная канава на югѣ долины), да въ тѣхъ частяхъ, гдѣ имѣются заросли колючки (джинглиссъ), вообще въ глухихъ мѣстахъ долины.—Въ окрестныхъ горахъ и предгорьяхъ красная куропатка уменьшилась въ числѣ до того, что въ мѣстахъ, гдѣ ихъ водились сотни, къ веснѣ осталось двѣ-три пары.—Прошлой зимѣ мы обязаны также и тѣмъ, что тигры, появившіеся было въ окружающихъ пригородные кишлаки (селенія) камышахъ, отошли на болѣе приличную дистанцію и теперь о нихъ почти не слышно....

Какъ замѣтно изъ распросовъ, подобное уничтоженіе мѣстной дичи подъ Ташкентомъ имѣетъ свои періоды. Такъ въ зиму 1871—1872 г., такую же холодную и продолжительную, сильно потерпѣли фазаны, хотя и меньше, чѣмъ въ прошлую—камышей было больше, а народу меньше въ долины. Съ того времени, въ теченіи десяти почти лѣтъ, фазана развелось было очень много, несмотря на истребительныя охоты, на увеличеніе населенія и разработку камышей подъ рисовые посѣвы.—Фазанъ-бѣлошейка—птица сильная, бойкая и истребить его охотою не такъ легко, какъ это кажется съ перва-

го раза. Онъ требуетъ присноровившагося охотника и особой собаки—нестомчивой до послѣдней степени и не имѣющей мертвой стойки (при стойкѣ птица убѣгаетъ изъ подъ носа, какъ заяцъ).

Прошлымъ лѣтомъ охоты на фазановъ, безспорно самой лучшей изъ охотъ, подъ Ташкентомъ почти не существовало. Фазановъ мало, охотники—кто ушелъ въ Кульджу и на южные перевалы къ Кашгару караулить китайцевъ, кто на Аму-Дарью, другіе просто разбрелись какъ-то; даже и „камышевщики“ (промышленники) мало охотились—большею частію попали подъ красную шапку при сборѣ весною безсрочно-отпускныхъ. Специально „фазаньихъ охотниковъ“ осталось здѣсь два-три человѣка, да и тѣмъ волей-неволей пришлось превратиться въ „бекасятниковъ“.... Бекасовъ здѣсь (*Scolorax heterocerca* и *Sc. stenura*, есть и „барашекъ“—вперемежку) по обыкновенію было видимо-невидимо и они сильно поплатились за фазановъ, хотя все-таки счастливы тѣмъ, что „Китай войною поднимается“.... Бекасы здѣсь появляются въ концѣ іюня (мѣстнаго вывода), но настоящая охота на нихъ открывается въ августъ и сентябрь, когда появятся прилетные (изъ камышей Кара-узьяка—подъ г. Перовскомъ и изъ западной Сибири). Къ этому времени съ рисовыхъ полей спускаютъ воду, рисъ выжигаютъ и весь бекасъ съ кочковатыхъ болотъ сваливается на грязи по жнивью; здѣсь стрѣльба легка, бекасъ отъ ѣдается, отлично выдерживаетъ близкую стойку, словомъ нѣчто въ родѣ „грибовъ собиранья“ у хорошаго стрѣлка и самая безпутная пальба у плохого.... Въ половинѣ октября, конца ташкентскаго лѣта, массы бекасовъ сваливаютъ дальше на югъ: въ Фергану, Бухару, Афганистанъ, но много остается и на зиму.

Гаршнепъ появляется позже—въ половинѣ сентября; охоты на него почти нѣтъ—мала очень птичка для одного, для другого—стрѣльба ужъ очень легка, да и много,—изъ подъ собаки, какъ мухи, порхаютъ въ разныя стороны.... Утокъ по обыкновенію истреблено достаточное количество на вечернихъ перелетахъ на рисовыхъ поляхъ; ихъ всегда бьютъ много и неурожая на нихъ почти не бываетъ—мѣста очень ужъ привольныя для этой дичи. Здѣсь лѣтомъ водятся утки: кряковая, чирокъ-полдвѣй (грязнушка) исключительно и мелкая чернеть съ красною головкою (зоологическаго названія не знаю); другія породы встрѣчаются какъ рѣдкость. Во время весенняго пролета (въ февралѣ и мартѣ) встрѣчаются шилохвости, сѣрья, широконоски, чирки-коростельки и, крайне рѣдко, свіязь.

Въ концѣ ноября, когда появились было заморозки, пошли разговоры о прилетѣ вальдшнеповъ, но потомъ замолкли. Здѣсь на эту дичь въ теченіи зимы (съ декабря по февраль) есть охота въ обширныхъ садахъ туземнаго города, но въ слѣдующемъ видѣ: проходилъ пять дней—убилъ одного, а то такъ просто только видѣлъ мелькомъ, т. е. охота для искателей рѣдкостей.... Дупелей нѣтъ вовсе,

ни мѣстныхъ, ни прилетныхъ на зимовку, и не только подъ Ташкентомъ, но даже во всѣхъ южныхъ областяхъ края *).

Пролета перепеловъ прошлою осенью здѣсь не было почти вовсе. Это обстоятельство крайне странное и замѣчено мною въ теченіи пяти лѣтъ только въ первый разъ.—Они появляются здѣсь обыкновенно въ августѣ, а въ концѣ октября ихъ такъ много, что туземцы-сарты и киргизы, на поляхъ проса, куглака и шаша (чечевица), ловятъ ихъ просто сѣтками по нѣскольку сотъ штукъ въ день. Во время охоты за фазанами на рисовыхъ поляхъ онѣ мѣшаютъ ужасно—вырываются изъ подъ собаки пискливыми роями и часто сбиваютъ ее съ толку.—Съ сентября по декабрь мною ихъ поднято только нѣсколько штукъ и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ прежніе года они попадались тысячами; въ началѣ текущаго января я уже нашелъ ихъ въ обыкновенныхъ мѣстахъ ихъ зимовокъ—по окраинамъ густыхъ камышей—и притомъ въ небольшомъ количествѣ, т. е. въ нормальномъ для этого времени года. Массы ихъ обыкновенно спускаются на зимовку позднѣе.—Объясненіе этого факта должно быть одно—вѣроятно въ болѣе сѣверныхъ широтахъ перепела не выводили по случаю холодной весны.

Въ противоположность прошлогодней зимѣ, зима текущаго года (1880—1881 г.) стоитъ крайне теплая. Въ концѣ декабря выпалъ было снѣжокъ въ палецъ толщины, но и тотъ пропалъ дня черезъ два. Теперь (половина января) погода стоитъ хотя и не совсѣмъ ясная, но теплая, нѣтъ ни мокраго снѣга, ни дождей, нѣтъ даже и признака заморозковъ по ночамъ, между тѣмъ январь мѣсяцъ здѣсь самый холодный мѣсяцъ въ году. Благодаря этому пролетной дичи какъ то мало видно, вѣроятно держится по сѣвернымъ степямъ и рѣчкамъ (озер. Иссы-Куль, рр. Чу, Таласъ, Арысь, среднее теченіе Сыръ-Дарьи и пр.), а до насъ еще не долетѣла.—Подъ этой ожидаемой прилетною дичью я подразумѣваю: утокъ (преимущественно кряковыхъ), гусей и дудаковъ.—По холоднымъ зимамъ кряковыя здѣсь держатся обыкновенно по р. Чирчику—на каменистыхъ перекатахъ и по незамерзающимъ большимъ арыкамъ—въ огромномъ количествѣ; много также и гусей, но вдали отъ города—въ нижней половинѣ Чирчикской долины, а главное въ сосѣдней долинѣ р. Ангрена. Дудаковъ много по окрестнымъ степямъ; русскіе на нихъ почти не охотятся—ѣздить далеко, да и строги очень. За всѣхъ отвѣчаетъ кряковая утка: ее бьютъ охотники и промышленники, сарты и киргизы ловятъ сотнями въ волосяныя силъя.

Ев. Смирновъ.

11-го января 1881 года.

*) Изрѣдка попадается зимою какой то особый видъ бекаса, называемый охотниками „южнымъ дупелемъ“ и индійскимъ бекасомъ.